

УДК 811.161.2'282.2(477.52/6)

КАЛАМБУРЫ И ПРОБЛЕМАТИКА ИХ ПЕРЕВОДА

Выходилова Зденька

Оломоуцкий университет имени Франтишека Палацкого,

Оломоуц, Чехия

Автор уделяет внимание одной узкоспециальной области переводческих вопросов, а именно переводу избранных видов каламбуров. Внимание обращается на лингвистические закономерности образования каламбуров в языках разных типов и на технику их воспроизведения при переводе.

Ключевые слова: игра слов, языковая шутка, каламбур, перевод.

Предметом настоящей статьи является репрезентация возможности способа межъязыковых трансформаций каламбуров на материале разноязычных каламбуров, в частности роль типологической и генетической характеристики языка в возможности перевода каламбуров на другой язык.

Мы придерживаемся понимания каламбура как основанной на разных типах омонимии, полисемии, паронимии и видоизменении устойчивых лексических оборотов языковой шутки, т. е. как особенного вида языковой игры. Каламбур часто представляет собой двучленное образование, первый, опорный компонент которого принято называть стимулятором или основанием, второй компонент, представляющий собой как бы вершину каламбура, называется результирующим компонентом или результирующей, причем они необязательно должны находиться в непосредственной близости друг с другом.

1) Самый распространенный вид каламбура – каламбур, основанный, на многозначности слов, на полисемии, т. е. одна и та же словесная форма имеет двойное смысловое содержание. Решающую роль при раскрытии двойного значения данной словесной формы играет контекст.

В качестве примера нам послужит «замок» Сонета 20 Шекспира:

By adding one thing to my purpose nothing.

But since she prick'd thee out for women's pleasure,

Mine be thy love, and thy love's use their treasure

Обыгрывается слово *prick*, которое, кроме словарного глагольного значения, имеет еще сленговое значение пенис, половой член. Адекватный перевод представляет собой умение передать определенное напряжение между содержанием и формой при соблюдении нормативной лексики. Русский переводчик В. Козаровецкий, по своим собственным словам, пользовался близостью глаголов *стал* и *встал*, срав.:

Так пусть для женщин ... станет плоть наградой,

А мне – любовь твоей души отрадой.

Интересно следить за развитием подхода к данному каламбуру в истории его переводов на чешский язык:

Самым эксплицитным, верным подлиннику, и, на наш взгляд, самым оптимальным является перевод самого признательного современного чешского переводчика Шекспира М. Гильского:

K tvým božským údům další přidělala.

Tvá láska patří mně, ač vybaven

Přírodou byl jsi k potěšení žen. (M. Hilský 1997)

Перевод Э. А. Саудека, считавшийся долгое время репрезентативной классикой, избирает лексику на много нейтральнее:

tím přídavkem, jenž pro mne není na nic.

Však stvořen jednou, abys těšil krásky,

mně lásku přej, jim užitek své lásky. (E. A. Saudek, 1936)

Также другие современные переводчики довольно трезвы в выборе обозначения данного выражения, причем З. Грон и М. Мацек допустили некоторые семантические сдвиги, срав.:

Díl navíc, pro mne bezcenný, ti dala.

Když mají tě mít tedy ženy rády,

Má buď tvá přízeň, tvoje jejich vnady. (M. Macek 1986)

A tak mi tě tím darem rovnou vzala.

Když jsi však stvořen ženám k milování,

mně lásku dej a jim plod po laskání. (Z. Hron 2001)

ti přidala, co mně k ničemu není.

Vyzdvihla-li tě k potěšení žen,

mne miluj a je těš svým pokladem. (M. Uličný 2005)

2) Довольно частый по употребительности вид каламбура – обыгрывание сходства в звучании слов или словосочетаний. Пример взят из перевода на чешский язык комедии Н. Коляды «Тутанхамон», выполненного молодой переводчицей М. Палушовой:

Тамара: *Родные мои, у нас два ящичка водки, двигаемся, наливай, а то свет погаснет. «Живем в комарином лесу! На ужин зажарим лису!»*

Tamara: *Drahouškové, máme tady dvě bedny vodky, hněte sebou, nalejvejte, nebo zhasne světlo. „Žijem v lese, kde kůrovci je moře, k večeri upečem si smradlavýho tchoře.“*

Переводчице путем компенсации удалось передать не только функционально-смысловое содержание игры слов, включая «звериный» элемент результирующего компонента, но также и форму каламбура, т. е. созвучие опорного и результирующего компонентов.

3) На примере каламбура, основанного на одном виде омонимии, попробуем обратить внимание на необходимость учитывания переводчиком языковой типологии при выборе оптимального переводческого решения.

Флективные языки, т. е. языки синтетического типа, в отличие от аналитических языков, способны образовать омонимические пары также с помощью падежных окончаний. Сказанное можно продемонстрировать на переводах одного из многочисленных каламбуров в романе Ф. Рабле *Гаргантюа и Пантагрюэль*:

... *je rime tant et plus, et en rimant, souvent m'enrhume*

Данный каламбур основан на французских омофонах *s'enrimer* – рифмовать и *s'enrhumer* – схватить насморк.

Чешский язык, используя возможности грамматических омографов, предлагает, например, следующие возможности перевода:

... *když začnu smolit rýmu, nemohu se zbavit rýmu.*

или:

... *když se ponořím do rýmů, uženu si z toho rýmu.*

(Rým = рифма, rýma = насморк.)

Переводчик на русский язык Н. Любимов предпочел другую переводческую стратегию, а именно перевод при помощи субституции схожей корневой морфемы - *плёт* - и - *плет* -:

... *ponemnožku kropaю, но только от стихоплётства у меня язык иной раз заплетается.*

Напротив, немецкий переводчик сделал ставку на элементы звукописной паронимии:

Ich dichte, was das Zeug hält, und manchmal so arg, dass mich ganz verdichte, vergichte und vernichte!

4) Типичным примером каламбура, который стал осью романа Генриха Манна «Профессор Унрат», является само название романа. Сигнал дан сразу в первом предложении романа:

Da er Raat hiess, nannte die ganze Schule ihn Unrat.

Чешский переводчик использовал возможность калькирования немецкого слова *Unrat* – *Neřád*, срав.: *Ježto se jmenoval Řád, říkala mu celá škola Neřád.*

Словацкая переводчица решила на довольно нейтральный вариант контрадикторных антонимов *Čin* – *Nečin*, между тем как русский переводчик предлагает не очень компактную пару фамилий *Учитель Гнус* – *Нусс*. Лишь переводчик на итальянский язык, насколько нам известно, оставил фамилию в оригинале и ее значение объяснил в подстрочном примечании.

5) В последнюю группу каламбуров, на перевод которых мы хотим обратить внимание, входят каламбуры, основанные на использовании элементов на иностранных языках. Использование иноязычных элементов в целях создания комического эффекта изобилует роман Ярослава Гашека *Похождения бравого солдата Швейка*. Приводим хоть один пример каламбура с использованием немецкого языка и его перевод на русский язык:

... *a tam byl nějaký obrst Fliedler von Bumerang nebo tak nějak.* “ (Н 387).

Русский перевод П. Богатырева является демонстрацией удачной компенсации игры слов, основанной на созвучии:

Был тогда у нас полковник то ли Флидлер фон Бумеранг, то ли другой какой «ранг» (Г2 125).

Следующие примеры должны демонстрировать проблематику перевода игры слов, основанной на использовании иноязычного элемента, на язык которого данное произведение переводится. Они взяты из текста киноповести Зденека Сверака *Коля*. Одноименный фильм режиссера Яна Сверака, завоевавший премию Оскар, принадлежит сегодня уже к культовым произведениям чешской современной кинематографии. На русский язык киноповесть еще в 1997 году перевели Инна Безрукова и Сергей Скорвид.

Основным средством коммуникации главных героев киноповести, Ф. Лоуки и русского мальчика Коли, является, естественно, русский язык. Автор сумел мастерски использовать так наз. русско-чешскую омонимию как источник языкового комизма или источник непонимания друг друга, ср., напр.:

"To je naše stolice. Víš, kolik má věží? Sto!" (S 109).

Реплика Лоуки в чешском подлиннике носит полисемантический характер: русское существительное *столица* использовано в чехизированном морфологическом виде и таким образом становится двусмысленным (или многозначным), превращаясь в источник комического эффекта. (Русская лексема *столица* = *главный город* x чешская лексема *stolice* = *стул, скамья*, но также *испращение*). Каламбурный эффект усилен еще и созвучием числительного *сто* с начальным слогом слова *stolice*. Хотя переводчики выделяют данное слово из окружающего текста, но используют его в литературной форме, в результате чего данное слово в переводе теряет свою двусмысленность и содержание высказывания становится совершенно нейтральным:

– Это наша *столица*. Знаешь, сколько в ней башен? Сто!

По аналогии З. Сверак использует формальное сходство русской и чешской лексемы *красный* – *krásný*. Диалог Лоуки с Колей основан на семантическом несоответствии между русско-чешскими омонимами *красный* и *krásný* (в просторечном произношении Лоуки *krásnej*), первоначально близкие значения которых в течение исторического развития чешского и русского языков разошлись :

Chlapec ukáže na rudý praporek a řekne, máje na mysli jeho barvu:

"Naš krasnyj."

"Váš že je krásnej? Co je na tom krásnýho, prosím tě? Červený je to jak trenýrky. Náš je krásnej."

"Naš krásnyj," trvá na svém Rus. (S 72)

Переводчики хотят обыграть оппозицию лексем *красный* и *прекрасный* и обращаются к интересному решению использовать двойные конструкции и конструкции повтора типа *желтый-прежелтый* (со значением усиления интенсивности):

Мальчик тычет пальцем в красный флажок и говорит:

– *Наш красный-прекрасный.*

– *Это ваш-то прекрасный? Скажи пожалуйста! Что же в нем такого прекрасного? Красный, как спортивные трусы. А вот наш – прекрасный.*

– *Нет, наш, - настаивает русский мальчик. (С. 91–92)*

Можно было бы остановиться еще и на проблемах перевода других видов каламбуров, как, например, на каламбурах основанных на народной этимологии или псевдоэтимологии, на намеренных деформациях лексических или синтаксических единиц, на каламбурном изменении собственных существительных, изменении звучания лексических единиц с целью их переосмысления, на каламбурах, построенных на синтаксической основе и т. п., но ограниченный размер статьи не позволяет этого.

В заключение можно констатировать, что перевод каламбуров представляет собой вершину переводческого мастерства. Времена, когда в переводной художественной литературе встречались сноски типа «непереводимая игра слов» уже, в принципе, остались в прошлом. В настоящее время переводчики, как правило, стремятся справиться с трудной задачей, с более или менее удачными результатами. Согласно теории относительной переводимости, мышление людей принципиально сходится, несмотря на национальную и этническую принадлежности. Кроме того, существует также закономерность, что чем ближе звуковой, графический и морфолого-синтаксический планы языков, тем легче переводчику выполнить задачу адекватной передачи каламбура на иностранный язык. Но чтобы добиться у иностранного читателя / слушателя такого же восприятия переведенного каламбура, как и у читателя / слушателя оригинала, необходима еще и близкая друг другу культурно-когнитивная база обоих языков.

Список литературы

1. Выходилова З. Иноязычные вкрапления в романе Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» с переводческой точки зрения / З. Выходилова // Язык и культура. Материалы Международной научной конференции. Белгородский государственный университет. Белгород, 2010, с. 95–99.
2. Козаровецкий В. О переводе игры слов в сонетах Шекспира / В. Козаровецкий. – Режим доступа: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=45949>
3. Санников В. Русская языковая шутка. От Пушкина до наших дней / В. Санников. – М.: Аграф, 2003, – 560 с.
4. Hečko V. Dobrodružství překladu. Přeložil E. Charous / В. Hečko. – Praha: Ivo Železný, 2000, – 275 s.
5. Vychodilová Z. Dvojazyčnost ve Svěrákově Koljovi z translátologického pohledu. / Z. Vychodilová // Dialog kultur V. Sborník referátů z mezinárodní vědecké konference konané v roce 50. výročí vysokoškolského učitelského vzdělávání v Hradci Králové Ořtis, Ústí nad Orlicí 2009, s. 653–659.

Виходилова Зденька. Каламбури та проблематика їхнього перекладу / Зденька Виходилова // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т 25 (64), №2 (1). – С. 252–257.

Автор приділяє увагу певній вузькоспеціальній галузі питань із перекладу, а саме перекладу обраних видів каламбурів. Звернено увагу на лінгвістичні закономірності створення каламбурів у мовах різних типів і на техніку їхнього відтворення при перекладі.

Ключові слова: гра слів, мовний жарт, каламбур, переклад.

Vychodiliva Zdenka. Puns and problems of translating / Zdenka Vychodilova // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 252–257.

The author focuses on one of closely specialized areas of translation issues, namely on translating of selected types of puns. Attention is drawn to linguistic regularities of creating puns in languages of different types, as well as on techniques of their conversion in language-to-language translation.

Key words: equivocate, play on words, language joke, pun, translation.

Стаття надійшла до редакції 13 березня 2012 року